Парящая для дракона

Автор:
Марина Эльденберт

Парящая для дракона

Марина Эльденберт

Ледяное сердце Ферверна #1

Ферверн – мир ледяного огня, где города спрятаны от дышащих пламенем зверей за щитами. Вчера простая студентка, сегодня невеста Главного дракона страны. От меня зависит будущее нашей семьи, от него – судьба северного континента. Я для него всего лишь способ объединить людей и иртханов, он для меня… А вот об этом лучше не думать. Тем более что мое мнение по этому поводу не учитывается. Мое мнение по поводу чего-либо вообще не учитывается: с той самой минуты, как он решил, что я ему подхожу. Ну что я могу сказать? Это он зря!

Марина Эльденберт

Парящая для дракона

Глава 1

– Лали! Лали, отпусти, ты меня задушишь! – Заливаясь смехом, сестра вывернулась из моих более чем крепких объятий и отпрыгнула в сторону. – Ну, показывай, что у тебя случилось?

– Вот! – выдохнула я и продемонстрировала раскрытое сообщение электронной почты.

Глаза Сильваны округлились.

– Что? Ледовое шоу «Эрвилль де Олис»?! Ты серьезно?!

– Серьезнее некуда, сестренка! – выдохнула я. – Они пригласили меня на кастинг!

Не дожидаясь ответа, я швырнула планшет на стол, а потом взяла Сильви за руки и закружилась с ней по комнате. К слову, отделанная в ее любимых тонах (бежевый с голубым) комната вращалась, как голографический шар в лучах светомузыки. Дыхание перехватывало от врывающегося в легкие морозного воздуха, льющегося из-за отодвинутой створки окна. Мы кружились до тех пор, пока не поплыло перед глазами, а потом вместе рухнули на кровать.

– У меня потолок плавает, – со смехом призналась Сильви.

– У меня тоже, – заверила я.

Потолок и правда плавал: двухуровневый, он то приближался, то отдалялся, то сдвигался в сторону, то утекал в диагональ. Чувствуя, как каждая клеточка тела колотится в ритме сердца, я перевернулась на живот и подперла локтями подбородок.

– Очешуеть, – выдохнула Сильви, повернувшись следом за мной.

Очешуеть – не то слово!

Мне хотелось визжать, колотить кулаками по покрывалу и прыгать до потолка, но я сомневалась, что это правильное поведение старшей сестры, поэтому позволила себе попрыгать мысленно, а вслух сказала:

– Да!

– Но… как? Когда? Ты отправляла им запрос?! Почему ты мне ничего не сказала? – Лицо Сильви стало прямо-таки обиженным.

Оно становилось таким сразу, как только сестра надувала губы. Пухлые, не то что мои, чувственные, красивый изгиб и красивый контур. Стоило ей их надуть, как и без того кукольное личико преображалось, глаза становились еще больше, словно расширяясь в преддверии слез. Не знаю, как у нее это получалось, но действовало безотказно в отличие от меня. Возможно, именно потому, что я вообще не умела плакать, а может быть, потому что Сильви всегда была мягче. Нежнее, женственнее – в ее не так давно исполнившиеся шестнадцать она могла похвастаться гораздо более пышными формами, чем я в свой двадцать один год. Высокая, длинноногая, прибавить к этому нашу фамильную черту – белое золото волос, и получится Сильвана Хэдфенгер, королева выпускного бала и моя младшая сестра.

– Не дуйся. – Я ткнула ее в плечо. – Я никому не сказала.

– Вообще никому? И своей Ринаре?

Ринни – моя лучшая подруга, к которой Сильви меня постоянно ревнует.

– Никому – это значит никому, – подтвердила я.

– Почему?

– Сглазить боялась. – Я глубоко вздохнула и снова опрокинулась на спину. – Ты бы знала, как я боялась, Сильви… Боялась, что они вообще ничего мне не ответят. Но они пригласили меня на отборочный тур!

Ледовое шоу «Эрвилль де Олис» было моей мечтой с тех самых пор, как я встала на коньки и занялась воздушной гимнастикой. Вопреки всякой логике (казалось бы, где еще стартовать грандиозному проекту, связанному со льдом, как не в Ферверне?), началось оно не в нашей стране, а в Рагране. Эрвилль была его основательницей и чемпионкой мира, впервые совместившей театр, лед и воздушное шоу. Билеты на их представления раскупались за месяц до того, как они приезжали в город, и попасть в него, пусть даже на отборочный кастинг, или просто получить приглашение за личной размашистой электронной подписью основательницы было запредельным краем моей мечты.

– Ты – и боялась? Мне кажется, эти два понятия несовместимы, – фыркнула Сильви.

– Представь себе, я тоже умею бояться.

– Лали, нет. Я могу представить боящейся кого угодно, только не тебя. Иначе ты не крутилась бы под пятиметровым потолком на лентах. Меня начинает тошнить при одном только взгляде на такую высоту.

Я улыбнулась.

– Меня тоже тошнило. Поначалу.

– А что случилось потом?

– Потом я поняла, что лечу.

Сильви хотела ответить, но не успела: дверь распахнулась, и в комнату шагнула моя мачеха и ее мать Ингрид Хэдфенгер. Точная копия своей дочери, с той лишь разницей, что выглядела самую чуточку старше. Ну, самую чуточку. Ингрид помешана на своей внешности и делает все, чтобы не стареть.

– Лаура, отец хочет тебя видеть, – произнесла она, изогнув бровь.

Сильви тут же подскочила и принялась поправлять платье: Ингрид не понимала никаких безумств, считая, что девушка должна быть девушкой каждое мгновение своей жизни.

– Иду! – Я тоже поднялась и поправила платье.

Подхватила планшет, в котором отразилась счастливая я: улыбка до ушей, растрепанные волосы, выбившиеся из хвоста, и сияющие глаза. Кажется, они сияли так, что в подсветке потемневший экран не нуждался, да он и правда в ней не нуждался. Осознание того, что там, обжигало мне пальцы разрядами ледяных искорок.

По дороге я еще раз взглянула в зеркало, заправив выбившиеся пряди за уши. У меня волосы были абсолютно прямыми, но очень густыми, поэтому я предпочитала стягивать их в хвост. Иногда во время таких безумств они выбивались и в сочетании с тонкими чертами лица делали меня моложе Сильви. Вот как сейчас.

На кастинг волосы нужно будет завить? Или лучше уложить в пучок? Наверное, лучше уложить в пучок. Хотя они обещали прислать программу кастинга позже, вряд ли в шоу «Эрвилль де Олис» будут тратить время на два собеседования, а значит, распущенные волосы не вариант. Нужно будет максимально их убрать и захватить наряд, обтягивающий тело как вторая кожа. Единственное его украшение – «платиновая» нить, идущая орнаментом по рукавам и короткой юбке, основной цвет голубой – как мои глаза.

Я выйду, мне нужно будет представиться и…

– Лаура, поторопись, – оборвала ход моих мыслей Ингрид. – Твой отец занятой человек, и у него к тебе серьезный разговор, не терпящий отлагательств.

Что там не терпит отлагательств, я уточнять не стала, выбежала за дверь. Мне уже не терпелось начать готовиться, кастинг через две недели, а это значит, что времени у меня почти нет. Нужно, чтобы все было на высшем уровне. Я должна выложиться, должна показать даже больше того, на что способна. Интересно, где будут проводить кастинг? В Ледовом дворце Хайрмарга? Или на Старлайт-арене? Там тоже достойная высота.

Задумавшись, я забыла про порожек в кабинете отца (дракон бы отгрыз дизайнеру, который его придумал, все самое ценное) и чуть не улетела прямо к столу. Благо с координацией у меня все было в порядке: раскинув руки, я подхватила баланс и остановилась с планшетом прямо напротив отца.

– Чудесно, Лаура, – оторвавшись от ноутбука, произнес он. – Скоро ты будешь заходить ко мне через окно.

– Не будь занудой, пап, – перегнувшись через стол, поцеловала его. – Временами мне кажется, что Ингрид на тебя плохо влияет.

– Временами мне кажется, что ты слишком многое себе позволяешь, Лаура Хэдфенгер, – произнес отец и указал на кресло. – Садись.

– Сажусь. – Я утонула в мягком темно-сером кресле.

Отец предпочитал стальные оттенки, подчеркивающие холод нашей столицы даже летом, когда температура воздуха поднимается (о чудо!) до двадцати градусов. Сейчас же, когда за окном в лучах солнца сверкали морозные искры, даже металлический блеск оживал, становясь обманчиво теплым. А мне хотелось кружиться вместе со снежинками. Кто бы знал, как мне хотелось!

Я обожаю снег. Когда он идет, сразу становится теплее, а морозное солнце – это обманка.

– Ты наверняка слышала о реформе Ландерстерга. – Отец, как всегда, начал издалека.

Издержки профессии. Он у меня адвокат, и язык у него подвешен отлично.

– Разумеется. – Я улыбнулась. – Кто же о ней не знает?

С тех пор, как мир иртханов – повелителей драконов, защищающих наши города от налетов, начал стремительно сближаться с миром людей, многое произошло. В частности, в Аронгаре были отключены щиты, не позволяющие драконам заходить в города. Торнгер Ландерстерг не поддержал эту инициативу, зато он предложил и внедрил реформу, благодаря которой люди вошли в Совет Ферверна. Собственно говоря, если раньше в правящих кругах были только иртханы (по одному от каждого города), то теперь рядом с правителем-иртханом рядом вставал человек.

Это вызвало огромный общественный резонанс, и Ландерстерга вознесли чуть ли не до небес. Как бы там ни было, я все равно не могла простить ему драконов (щиты отключали не просто так, а потому что они воздействовали на зверей, не позволяя приближаться к городам без болезненных ощущений). Да, наверное, это не совсем патриотично, но я считала, что если в древности обходились без щитов, сейчас без них тоже можно обойтись.

– Чудесно, – произнес отец. – Тогда ты наверняка понимаешь, что реформа призвана навсегда стереть границы между миром иртханов и миром людей. Так сказать, окончательно объединить нас раньше, чем Аронгара в очередной раз задерет нос со своими гуманистическими замашками.

Я выразительно посмотрела на папу. То, что он увлекается политикой, было ясно, но к чему он клонит?

– Пап? – сказала я. – Ты же не записал меня в одну из своих патриотических организаций?

Отец у меня был патриотом с большой буквы, поэтому помимо основной деятельности основал два дела, одно из которых называлось «Мы не причиняем вреда драконам». Второе – «Дети Ферверна» – было благотворительной организацией, которая выделяла средства на реабилитацию и выращивание драконят, по той или иной причине оставшихся без родителей. Первое же активно продвигало идею, что щиты не вредят драконам, поскольку северные пустоши нашей страны бескрайние и драконам отлично живется на отведенных им землях.

Не то чтобы я была против помогать, но с тех пор, как увидела приглашение на кастинг… Да у меня скоро ни минутки свободной не найдется, не говоря уже о том, что будет, если меня возьмут.

Когда меня возьмут, вот!

– Эта реформа направлена на то, чтобы люди с иртханами становились как можно ближе, – произнес он, – чтобы спустя множество поколений в нашем правлении уже не было разницы между людьми и иртханами, потому что в жилах всех фервернцев будет драконья кровь.

– Мм? – поинтересовалась я.

– И мы, в частности, те, кто стоит у истоков власти сейчас…

– Что-о-о?! – Я подскочила на кресле.

– Да. – Отец широко улыбнулся. – Да, Лаура, место в Совете мое. Меня выбрали большинством голосов, Торнгер Ландерстерг и правление утвердили мою кандидатуру.

Теперь я подскочила уже буквально и бросилась обнимать отца. Не у одной меня сегодня чудесный день! Подумать только! Мой отец – представитель власти Хайрмарга со стороны людей! Я знала, что результаты голосования (совмещенные с одобрением кандидатуры со стороны иртханов) должны были обнародовать через несколько дней, но, видимо, все случилось гораздо быстрее.

– Поздравляю, поздравляю, поздравляю! – выдохнула я. – Это просто круто, феерично, оче…

– Прежде чем ты произнесешь это слово, Лаура, я бы хотел тебе напомнить, чья ты дочь, – наигранно строго произнес отец.

– Самого лучшего в мире папы? – Я заглянула в светло-серые глаза.

– Не подлизывайся. И вернись в кресло, потому что речь не только обо мне.

– Да? – Я закусила губу, но в кресло все-таки вернулась. Положила планшет на колени, потом на стол, не в силах скрыть охватившее меня возбуждение.

– Да. Твоя кандидатура тоже одобрена. Завтра тебе предстоит собеседование…

– Куда? – Я непонимающе посмотрела на него.

– Тебя приглашают на собеседование к Торнгеру Ландерстергу. В качестве претендентки на роль его будущей супруги.

Хорошо, что я вернулась в кресло.

Потому что, к сожалению (или к счастью, но в данный момент все-таки больше к сожалению), когда речь заходит о политике, мой отец начисто лишен чувства юмора, и это просто не может быть шуткой.

– Я отправил запрос, – продолжал он, – сразу, как только был объявлен конкурс…

– Что?!

Отец строго на меня посмотрел.

– Ты знаешь, что я не люблю, когда меня перебивают?

– А я не люблю, когда меня выдают замуж, ничего мне об этом не сказав! – Я взвилась с кресла. – Пап… ты… Ты серьезно?! Это же бред какой-то, как ты мог что-то отправить, даже не посоветовавшись со мной?!

– Потому что я знаю твой характер, Лаура, – резко произнес отец. – И твоя реакция – отличное тому подтверждение. Сядь.

– И не подумаю!

– Сядь, я сказал. – Отец сдвинул брови. – Я отправил твое резюме еще до того, как узнал о своем назначении. Ты должна понимать, что это значит для нашей семьи.

Если я сейчас что-то и понимала, то это то, что решительно ничего не понимала. Поэтому решила уточнить:

– Конкурс?!

– Разумеется. Ландерстерг будет выбирать из десяти девушек…

Это что? Отбор?! Как во времена войны Ледяных с Огненными или даже раньше, в дремучей древности?

– Пап, это же смешно!

– Лаура! – Отец повысил голос. – Сядь и выслушай меня!

Поскольку стоячее положение моего положения существенно не облегчало, я решила сесть. Поэтому и еще потому, что… ну мало ли, что отец скажет дальше, что я там должна буду делать на собеседовании. Танцевать, петь

(хорошо, если не на столе) в лучших традициях отборов. Или, может, ужин ему приготовить? Со слабительным! Это я запросто.

Последнее несколько успокоило мою разыгравшуюся фантазию, потому что вернуло в реальность. А в реальности (в наше время) все-таки есть свои правила. Например, никто не может заставить меня что-то делать и куда-то идти, если я этого не хочу. Слава всем драконам, что я живу в век прогресса и демократии! И, если верить Ландерстергу, демократия с этого года стала еще более демократичной к людям, если можно так сказать.

– Ты должна понимать, что это значит для нашей семьи, – повторил отец.

К этому времени я уже окончательно успокоилась и решила, что буду говорить с ним на его языке. Язык эмоций мой папа-адвокат совершенно не признает, зато язык доводов, фактов и неопровержимых логических доказательств – более чем.

– Я бы поняла, – сказала я, – если бы ты не победил на выборах. Но ты победил. Ты займешь место в правлении рядом с Ландерстергом, а это уже больше, чем круто. Зачем тебе еще и дочка – первая ферна Ферверна?

– Затем, что все это еще очень зыбко. – Отец наконец-то захлопнул ноутбук, разделяющий нас, как Ледяная цепь. Так называли самый длинный горный хребет, рассекающий северо-запад Ферверна. – И что пройдет немало лет, прежде чем люди будут приняты обществом иртханов как равные. Откровенно говоря, вряд ли будут когда-нибудь приняты именно люди. Наша кровь сольется, и мы станем единым целым. Только тогда все изменится.

– И ты хочешь, чтобы я при нем была… кем?! – Я почувствовала, что снова начинаю закипать. – Куколкой, которую он посадит рядом в качестве подтверждения своей политической линии? Папа! Я не хочу замуж! Я вообще далека от политики настолько, насколько это возможно…

– Значит, придется сближаться, – сухо сказал отец.

– Мне пришло приглашение!

– Приглашение?

– Да! – Я подхватила планшет. – Меня приглашают на кастинг в «Эрвилль де Олис»! Ты прекрасно знаешь, что это для меня значит! Я не хочу замуж, я хочу парить… я хочу строить карьеру, хочу стать звездой ледового шоу! Я хочу…

– Достаточно! – Отец стукнул кулаком по столу. – Я говорю тебе о том, что я отправил запрос и что на него ответили приглашением. Я говорю тебе о том, что тебе оказана великая честь, а ты мне – про свои танцульки?!

Я задохнулась, в который раз (уже не помню в какой) вскочив с кресла.

– Это не танцульки! – воскликнула я. – Это – моя жизнь!

– Что насчет нашей? – Отец поднялся и вырос над столом. – Что насчет моей жизни, Лаура? Как я буду выглядеть в глазах Ландерстерга, когда ты откажешься прийти на собеседование? Как будет выглядеть наша семья? Как ты думаешь? Отличное начало для моего вступления в должность, не так ли? Всю жизнь я потакал твоим капризам. Когда ты захотела кататься, я сказал – пожалуйста. Когда крутилась на своих лентах, и словом не упрекнул. Сейчас же ты хочешь разрушить все просто потому, что у тебя «твоя жизнь»!

Я открыла было рот, но он мне и слова не позволил вставить.

– Я сказал все, что считал нужным. Ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится, но если откажешься завтра идти – разрушишь все, что я создавал долгие годы. Твой брат только начинает строить свою юридическую карьеру, твоей сестре нужна репутация. Не та, которую ты хочешь ей обеспечить своим отказом. – Каждым словом он впечатывал меня в пол. – Решать тебе, Лаура. Что для тебя важнее. Семья или твоя карьера.

– Это нечестно, – сказала я, глядя ему в глаза.

– Это честно, – повысил голос отец. – Это честно, потому что жизнь не крутится вокруг тебя одной. Тебе давно пора повзрослеть.

– Я давно взрослая, – выдохнула я. – Но ты этого упорно не замечаешь.

– Возможно, потому что ты еще ни разу этого не доказала.

– А я не хочу ничего никому доказывать!

Я вылетела из кабинета отца, дверь за мной закрылась с мягким щелчком. До своей комнаты буквально бежала и, только оказавшись отрезанной от всех, от души попрыгала на мягком, впитывающем звуки ковре. Величайшее проявление чувств, которое может себе позволить дочь Юргарна Хэдфенгера, и то – за закрытыми дверями.

Когда дыхание восстановилось, я подошла к окну и отдернула шторы, впуская в комнату приглушенный тонированными стеклами солнечный свет. Налипшая на стекло снежинка, запаянная в морозный узор, растопырила лапки, отражаясь на моей щеке.

Как ни странно, именно эта растопыренная снежинка помогла мне прийти в себя. Во-первых, собеседование – это еще не замуж. А во-вторых, мне сказано на нем быть, и ровным счетом ничего о том, что я должна его пройти. Если отец считает, что я должна постараться на благо семьи, я это сделаю. Но вряд ли после этого Торнгер Ландерстерг захочет на мне жениться!

Глава 2

К собеседованию я подошла со всей серьезностью. Сложно было подойти к нему иначе, но пока вокруг меня бегали стилист с визажистом, я изучала информацию. Собственно, изучать ее я начала еще вчера: все, что можно было найти в сети про Торнгера Ландерстерга, я нашла.

Он стал Верховным правителем Ферверна в двадцать семь, тем самым обскакав Рэйнара Халлорана, Председателя Совета Аронгары. Тот, если не ошибаюсь, занял этот пост в своей стране, будучи на десять лет старше или вроде того. Ландерстергу удалось обойти более старших и опытных соперников, когда за него проголосовало большинство, девяносто пять процентов населения Ферверна выразило свое желание видеть его на посту.

Династия Ландерстергов корнями уходила к древнейшим родам Севера, и силы в нем было немерено (а у иртханов сила ценится превыше всего). Для того чтобы

управлять драконами, недостаточно просто обладать какой-то огненной кровью, в ней нужна мощь. Та самая, с помощью которой современная технология позволит раскинуть над огромным мегаполисом щит, та, которая способна подчинить и развернуть даже самого опасного зверя в случае потенциального налета.

У Ландерстерга все это было, единственным минусом считался его возраст, на который упирали все его соперники в своих предвыборных кампаниях. Тем не менее, когда год назад снова проходили выборы (они в Ферверне бывают раз в пять лет), он снова победил с огромным отрывом от других кандидатов. Людям Торнгер нравился: им импонировало, что вопреки всем мировым веяниям он не прогибается под политику Аронгары. Ну а после реформы вообще стал национальным героем.

– Ферна Хэдфенгер! Посмотрите, – говорит стилист и отступает в сторону. – Как вам?

– Шикарно, – отвечаю я, едва взглянув в зеркало.

Я выгляжу, как должна выглядеть одна из претенденток на роль будущей супруги главного дракона Ферверна: мои волосы уложены, подхвачены, крупными волнами стекают по шее на спину. Никаких лишних украшений, только серьги, сливочное платье – с открытыми плечами, тем не менее у него воротник под горло, от которого расходится лиф. Строго, соблазнительно, элегантно. Правда, к платью мне еще полагается пиджак – как раз, чтобы прикрыть плечи, пиджак можно снять, но снимать его я не собираюсь. Я вообще не собираюсь показывать Ландерстергу ничего лишнего, пусть даже это просто мои плечи.

– Превосходно, – это уже отец.

С той минуты, как я сказала, что готова к собеседованию, он пребывает в чудесном расположении духа. Отец обнимает меня осторожно, чтобы не помять платье и не повредить прическу, а потом отступает.

– Ты великолепно выглядишь, Лаура.

Его глаза горят неподдельным восторгом, на миг меня даже кусает совесть, но я мигом напоминаю себе о том, что отец вообще-то не спрашивал меня о том, чего я хочу. И о том, что в мои планы совершенно точно не входит становиться политической марионеткой, поэтому я улыбаюсь уже без тени сомнений.

– Спасибо, папа.

В холле я ловлю на себе недовольный взгляд Ингрид – мачеха не любит, когда кто-то выглядит лучше нее, и восхищенный Сильви.

– Удачи! – шепчет сестра и посылает мне воздушный поцелуй.

В ответ я подмигиваю.

– Удачи, – повторяет отец, провожая меня к дверям. – У тебя все получится.

Надеюсь, что нет.

– Просто будь собой.

Это я могу.

У нас двухэтажная квартира в одной из высоток в центре, не пентхаус, конечно, но в целом весьма просторная. Только сейчас, оказавшись за дверями, я понимаю, насколько на самом деле волнуюсь. У меня есть опыт общения с одним из ведущих адвокатов Ферверна, но опыта общения с драконами у меня нет. Точнее, у меня нет опыта общения с Ландерстергом, а сегодня я собираюсь его приобрести.

Ой, мама.

Отец открывает передо мной дверцу флайса, предупреждает:

– Когда ты вернешься, меня не будет дома. Встречаюсь с клиентом, поэтому поговорим позже. – После чего помогает мне сесть.

Полы пальто распахиваются, холод тут же вгрызается в тонкие чулки. Солнце слепит так, что я сразу же надеваю очки. Водитель косится на нас с интересом, но когда отец говорит: «Айрлэнгер Харддарк», – его лицо вытягивается.

Айрлэнгер Харддарк – место, где сосредоточены власть, сила и защита нашего города. Точнее говоря, самая крутая высотка столицы, излучающая волны абсолютно безвредные для людей и иртханов, но не подпускающие драконов к городу. Там же сидит наше правительство, и прежде чем я успеваю об этом подумать, дверца флайса отрезает меня от отца.

– Погодите-ка, – говорит водитель, когда мы поднимаемся в воздух. – Это что, я сейчас забираю дочку ферна Хэдфенгера?

Я невольно улыбаюсь, глядя на отдаляющегося отца, оставшегося на верхней парковке. Флайс стремительно идет ввысь, занимает место в очереди на выход из рукава на центральную аэромагистраль.

– Да.

– Очешуеть! – произносит он. – Ну, будет что ребятам рассказать. Я голосовал за вашего отца.

– Спасибо.

Что тут еще скажешь?

– Серьезно! Дочка Юргарна Хэдфенгера. Если честно, я не верю, что из этого сразу что-нибудь получится… ну, вы в курсе. – Водитель пожимает плечами. – Иртханы все равно не подпустят нас к правлению дальше, чем это выгодно им. Но ваш отец крут и многого добился.

Киваю, рассеянно глядя на искрящиеся в лучах зимнего солнца высотки. Если мне повезет, то еще в этом году я получу контракт на работу в «Эрвилль де Олис», а потом…

– Нет, вы не подумайте, – тут же исправляется водитель, явно понимая, что сболтнул лишнее. – Я ничего плохого сказать не хотел, просто нужно время,

чтобы перестроиться. Вы же понимаете, о чем я? Понимаете?

– Я не увлекаюсь политикой.

Такого ответа он явно не ожидал, поэтому замолкает, а я смотрю на снежные стрелы, мельтешащие справа и слева от меня. Летим мы достаточно быстро для такого времени, и это тоже благодаря Ландерстергу. Он приказал уравнять налоги для ВИП-магистрали и центральной, и теперь Хайрмарг перестал быть одной большой пробкой.

Мысли о Ландерстерге бегут по коже морозом. Похожим на тот, что искрится за окном, оседая разноцветной ледяной пылью в лучах солнца. Я видела его в новостях, видела его в сети, но я не представляю, каким он будет на самом деле. Мне бы хотелось составить реальный образ, так проще готовиться к разговору, но что имеем, то и имеем, как говорится.

Разумеется, меня уже ждут.

Секретарь (девушка) встречает меня в приемной и предлагает кофе, второй секретарь (молодой человек) помогает снять пальто. От кофе я отказываюсь, пальто отдаю, но не успеваю даже присесть, как дверь открывается, и из кабинета вылетает женщина. С черными, как угли, волосами, глаза располосованы вертикальными зрачками – иртханесса, из-за ярости голубого огня не видно настоящего цвета. Исходящее от нее пламя обжигает, как зажатая между ладоней ледяная пластина, она окидывает меня яростным взглядом.

– Эта-то что здесь делает? – интересуется она, глядя на меня как на раздавленного подщельника.

– Ферна Рэгстерн… – стремительно бледнеет секретарь.

– Претендентка? – насмешливо выплевывает она, окидывая меня взглядом от кончиков туфель до волос. – Торн же не любит блондинок.

Исходящее от нее презрение впитывается в поры как ядовитый туман, иначе чем объяснить то, что я делаю дальше? Вытаскиваю заколку, позволяя волосам

свободно рассыпаться по плечам, снимаю пиджак и сую в руки совершенно ошалевшему секретарю.

– У вас устаревшие сведения, – сообщаю не менее ошалевшей от такого поворота девице, а потом шагаю за дверь.

Вообще-то эффектно врываться не входило в мои планы, но я никому и никогда не позволю так на себя смотреть.

– Добрый день, ферн Ландерстерг, – озвучиваю свое появление.

Он поднимает голову, и я чувствую, как под его взглядом в меня врывается пламя. Холодом, тысячей игл, всей своей мощью ударяющее с такой силой, что я словно осыпаюсь ледяной крошкой, чтобы срастись из нее в статую и очнуться от резкого:

– Не помню, чтобы я разрешал вам входить.

Не случись этой фразы, наверное, мой запал остался бы где-то за дверями, в приемной, но она случилась и сказана была ровно с той интонацией, которую ферн Главный Дракон Ферверна решил в нее вложить. То есть примерно так же он мог бы обратиться к своему секретарю, которая не вовремя принесла ему кофе. Хотя подозреваю, что со своими подчиненными он гораздо более вежлив.

– Вы не разрешали, – ответила я и приблизилась к столу: длинному, металлический отблеск которого не согревало даже солнце. – Я сама вошла. Сейчас ровно одиннадцать, поэтому если не возражаете, давайте начнем собеседование. У меня куча дел после общения с вами.

Не дожидаясь приглашения, я отодвинула соседний стул и устроилась на нем, закинув ногу на ногу. Край платья чуть приподнялся, но о том, что это произошло, я поняла только по глазам дракона, которые… нет, они не округлились. Из ярко-синих они стали почти черными, как ночное небо. Я тут же одернула подол, прикрывая узорный краешек чулок, и вернула другую ногу на пол.

– Лаура Хэдфенгер, я полагаю? – справившись с эффектом первого знакомства, произнес дракон.

От него веяло ледяным пламенем, настолько сильным, что у меня волоски на коже приподнялись, и я пожалела, что оставила пиджак в приемной. Так и замерзнуть недолго к драконьей бабушке.

– Правильно, – созналась я, понимая, что перегибать рядом с ним не следует.

Одно дело не пройти собеседование, совсем другое – вылететь за дверь с репутацией безголовой идиотки, второе мне совершенно точно не нужно.

– И вы полагаете, Лаура, что можете врываться в мой кабинет и творить, что вам вздумается?

– Я что-то сотворила? – спросила я.

Мне это стоило немалых усилий, потому что ледяные искры в его глазах обжигали, как морозный воздух. Под этим взглядом перехватывало дыхание, а стул начинал превращаться в ледяной трон. Чувство было такое, что я вот-вот с него соскользну и окажусь у его ног. Не самое лучшее, надо сказать, ощущение – когда на тебя смотрят сверху вниз.

– Вы вошли в мой кабинет без приглашения.

– Как я уже сказала, на часах ровно одиннадцать, а после встречи с вами у меня назначены другие, – заметила я, хотя после него меня ждала подушка и успокоительное. – Нарушать договоренности я не имею привычки, и вы, как никто другой, должны это понимать.

Ландерстерг откинулся на спинку кресла. Даже сейчас, расслабленный, он выглядел как дракон, который в каждую минуту может дыхнуть огнем и превратить меня в ледяной столбик. Последнего очень бы не хотелось, учитывая, что у меня впереди кастинг и вообще вся жизнь.

– Что ж, Лаура Хэдфенгер. Почему вы хотите стать первой ферной Ферверна?

– Я не хочу.

Кажется, мне удалось его пронять. То есть когда я шла сюда, у меня в голове крутился совсем другой сценарий, но с момента появления темноволосой драконицы, возомнившей, что может смотреть на меня как на третьесортный вонючий сыр, все пошло немного не так.

Хотя немного – это еще слабо сказано.

– Это не ваше резюме? – уточнил Ландерстерг, развернув ко мне ноутбук.

Поклясться могу, он его только что открыл! Вот только что, в перерывах между тем, когда глазел на мои чулки и когда интересовался, как я посмела войти в его кабинет без стука. А меня, между прочим, уже начинало потряхивать. Рядом с иртханами всегда так, особенно рядом с теми, которые позволяют пламени вырваться на свободу. Меня, судя по тому, что глаза Ландерстерга были вполне себе человеческими, зацепило остаточным – то есть тем самым, которое он активно распылял рядом с вылетевшей из его кабинета иртханессой.

– Мое.

– В таком случае?

– Резюме отправил мой отец.

Ландерстерг приподнял брови. Они у него были чуть темнее волос, а волосы – темный пепел и серебро, чуть короче, чем сейчас модно. Наверное, скоро войдет в моду стричься именно так, но…

Вот тут я потеряла мысль, потому что дракон неожиданно поднялся. Я видела его в сети и знала, что рост у него под два метра и что целоваться с ним (случись несчастье действительно обзавестись статусом его невесты) мне придется, подставляя табуреточку или надевая пятнадцатисантиметровые шпильки. Увы, сеть не передавала и сотой доли той силы, которая сквозила в каждом его движении, она сглаживала даже резкость крыльев носа и жесткость губ.

Фильтры. Определенно, во всем виноваты фильтры.

– Пойдемте, Лаура. – Он протянул мне руку.

– Куда? – уточнила я.

– Продолжим собеседование в другом месте.

Я хотела сказать, что меня вполне устраивает этот уютный кабинет, но вовремя поняла, что не стоит. Поэтому поднялась и последовала за ним в сторону стеллажей с дипломами, наградами, благодарностями и прочими составляющими декорации правительственного кабинета. Голографическая карта Ферверна, к слову, раскинувшаяся во всю стену, была интерактивной.

– Так я сразу увижу любой возможный очаг налета, – пояснил он, когда мы шли мимо.

Теперь я, кажется, поняла, почему у нас в стране никогда не бывает налетов.

При нашем появлении секретари синхронно вскинули головы.

– У вас есть накидка? – поинтересовался Ландерстерг.

– Есть. Пиджак.

Не дожидаясь, пока подойдет секретарь, он коснулся панели встроенного шкафа, и зеркальная дверь отъехала в сторону.

– Так лучше, – сообщил дракон совершенно очешуевшей мне, накинув пиджак мне на плечи.

Парад очешуения продолжался, потому что секретари провожали нас взглядами. И не только секретари, нас провожали взглядами все, кто попадался нам на пути: такими, когда стараешься сделать вид, что не смотришь, но все равно смотришь, потому что не смотреть не можешь.

Капсула лифта поглотила нас и стремительно вознесла под самый купол Айрлэнгер Харддарка. Это я поняла, когда шагнула в просторный, залитый солнечным светом зал, откуда весь Хаймарг открывался как на ладони. Точнее, в самом центре ладони на высоте, на которой даже драконам становится дурно, стояли мы, а вокруг раскинулся город. Загораживал обзор только комплекс Грайрэнд Рхай, иззубренными стрелами вонзающийся в небо.

Здесь было прохладнее, поэтому я поняла, почему меня попросили надеть пиджак. Впрочем, прохлада не шла ни в какое сравнение с той красотой, которая открывалась перед нами. Возникало такое чувство, что мы парим в небе, потому что стеклянный купол над головой вспарывал облака.

– Можете продолжать. – Ландерстерг кивнул, устраиваясь у панорамного окна и устремляя взгляд вниз, словно его действительно интересовали ниточки аэромагистралей, извивающиеся под порывами ледяного ветра.

– Мой отец считает, что вы идеальный муж.

– А вы нет?

– Нет. Я не хочу замуж.

– Вы всегда говорите правду, Лаура? – Ландерстерг указал взглядом на диванчик напротив него.

– Если меня спрашивают.

– Ценное качество. В таком случае скажите, что вы думаете о времени моего правления?

– Я не одобряю вашей политики по поводу драконов.

– Тоже считаете, что стоит отключить щиты?

Странно, но здесь, на этой высоте я почему-то чувствовала себя совершенно иначе. Как будто небо стирало любые различия в социальных статусах.

– Я считаю, что они имеют право передвигаться по пустошам без опасения наткнуться на болезненную границу щита.

Холодный взгляд вонзился в меня, но уже совершенно иначе.

– Сейчас драконы живут гораздо дальше, чем еще несколько лет назад, это правда. – Ландерстерг смотрел на меня, словно вел переговоры с кем-то из Совета правления. – Зато мы блокируем любые попытки браконьеров и фанатиков из «Истоков» до них добраться. Когда щиты будут отключены, сделать это будет гораздо сложнее.

Да, браконьеры – действительно бич современности. Из крови драконов делают рэгст, наркотическое средство, стоимость которого на черном рынке позволяет производителям безбедно существовать и активно развивать свой бизнес. Что касается движения «К истокам времен», те, кто в нем состоит, считают, что иртханы незаслуженно стоят у власти. Их выходки не ограничиваются безобразными вбросами в сети и распространением листовок, на их совести несколько серьезных покушений. Удавшихся. И десятки тех, что не удались.

– Поэтому я пока не готов ответить на твой вопрос, Лаура.

Видимо, высота действовала не только на меня: он как-то незаметно перешел со мной на «ты».

– И да, я тебя услышал.

Взгляд у него был холодным, как сталь в ледяной воде, зато я теперь поняла, почему выбрали его. Поняла, почему он продержался на своем посту пять лет и почему за него голосовали снова. Я, кстати, не голосовала.

Потянулась к журнальному столику, а точнее, к графину, чтобы налить себе воды.

– Ты голосовала за меня?

Я чуть не поперхнулась первым же глотком.

– Вы не имеете права об этом спрашивать, – сказала я, представляя себе, как на глазах первого дракона Ферверна изображала оживший фонтанчик.

– Ты совершенно права, – неожиданно серьезно отозвался он. Потом поднялся и протянул мне руку: – Пойдем.

В эту минуту я точно думала чем угодно, только не головой, потому что одно прикосновение обожгло мои пальцы, как если бы я коснулась вековой льдины. Этот удар от подушечек прокатился сквозь ладонь до самого предплечья. Я не дернулась исключительно потому, что это выглядело бы крайне странно, но потребность собрать пальцы в кулак никуда не делась. Он всего лишь касался моей руки, а я чувствовала себя обнаженной.

А когда в лифте эту цепь разомкнуло, ощутила непонятный, пугающий холод.

– Удачи на встречах, Лаура Хэдфенгер, – произнес Ландерстерг, и мне на миг, на какой-то очень короткий миг показалось, что его голос звучал самую малость иначе, чем когда он обратился к секретарю: – Одер, зайдите ко мне.

Он скрылся за дверями раньше, чем мне успели подать пальто. Одер тенью метнулась за ним, я же направилась к лифтам и вышла на улицу. Только глотнув морозного воздуха – всей грудью, смогла избавиться от наваждения, вызванного одним коротким прикосновением. Оглядевшись, надела очки и вскинула руку, бросаясь к замершему у рукава заказанному заранее флайсу (по правилам безопасности парковки Айрлэнгер Харддарка были предназначены только для флайсов сотрудников, поэтому пришлось бежать метров сто).

– Оглхэрд, Четвертая линия, девять, – назвала адрес и устроилась на сиденье.

Все, я домой.

И спать!

Потому что именно благодаря этому собеседованию я провела одну из самых долгих бессонных ночей в моей жизни.

Глава 3

– Лали! Ну, Лали! Хватит дрыхнуть уже! Я жду не дождусь, когда ты мне все расскажешь! – Голос сестры выдернул меня из сна.

Я нехотя разлепила веки: состояние у меня было примерно такое, как бывает после подготовки к страшному экзамену, когда всю ночь сидишь над лекциями, утром на адреналине сдаешь, а потом возвращаешься домой и падаешь с ног.

– Имей совесть, Сильви, – сказала я, морщась от света.

Сестра ткнула в панель, и светильники вспыхнули все разом. Чтобы не стукнуть Сильви подушкой, накрыла ею голову.

– Это ты имей совесть! – донеслось глухое сверху, и подушку стащили. – Приехала от Ландерстерга и завалилась спать! Мне же интересно, как все прошло!

То, что спать мне дальше не дадут, я поняла, когда подушка улетела в кресло, а сестра вскочила с края моей кровати.

– Слушай, ну и морозильник тут у тебя! – Она подлетела к окну и запечатала створки, после чего вернулась и снова уселась рядом со мной. – Все. Я готова. Рассказывай!

– Рассказывать – что? – Я повернулась на спину и посмотрела на эту террористку очень выразительно.

– Все! Какой он? – Сильви подогнула под себя ногу. – Ну, то есть не такой, как по визору, а вообще?

– Большой, – брякнула первое, что пришло мне в голову.

– Большой?

– Ага.

– То есть высокий? Это я и так знаю. Он еще и качается наверняка, ты его плечи видела?

«Видела», – хотела сказать я, но не стала.

Просто потому что после общения с Ландерстергом мне почему-то расхотелось его обсуждать. С экзаменом я сравнила не просто так, я действительно полночи провела без сна, по крупицам собирая информацию из всех архивов и свежих новостей, любую, которой только можно воспользоваться, чтобы не стать Лаурой Ландерстерг, но все оказалось проще, чем я думала. Дракон оказался нормальным. То есть настолько нормальным, насколько вообще может быть дракон. Не считая первой фразочки, общался он со мной на равных, а потом вообще сказал, что меня услышал. Мне даже не потребовалось пускать в ход все свои наработки на тему недовольства его политической линией.

А от его прикосновения… Я сглотнула и сжала ладонь, потому что клеймо от его пальцев до сих пор горело на коже. Нет, все-таки к лучшему, что я сразу сказала ему правду. Играть с Ландерстергом – себе дороже.

– Эй! – Сильви ткнула меня в плечо. – Не спать!

– Я не сплю. – Я села и откинула волосы назад.

Сейчас вся эта выходка с эффектным появлением и скинутым на глазах иртханессы пиджаком казалась мне сном. Так же как и подол платья, из-под которого явно был виден ажурный краешек чулок, и потемневший драконий взгляд.

– Не спит она! Так как вы поговорили? Что думаешь? Есть вероятность, что он выберет тебя? – Глаза Сильви сверкнули.

«Вы всегда говорите правду, Лаура?»

– Я бы сказала, все прошло хорошо.

– Хорошо? То есть да? – Сестра вцепилась мне в руку.

– Я не могу решать за него.

– Не может она! – фыркнула Сильви. – Сама-то как думаешь?

– Я думаю, что не хочу об этом думать! – огрызнулась.

– Ну и пожалуйста, – надулась сестра.

Она спрыгнула с кровати и направилась к двери, я подскочила и бросилась за ней.

– Сильви! Силь! Ну не обижайся, – схватила ее за плечи и развернула лицом к себе. – Я просто не особо хочу об этом говорить.

– Почему?!

– Потому что мне странно думать, что меня будут выбирать из кучи других девиц.

– Не из кучи, а из десяти, – хмыкнула сестра.

Я вздохнула.

– Слушай, давай просто замнем, а?

– Не понимаю я тебя, Лали! Ты хоть представляешь, что значит статус невесты Ландерстерга?

То, что я выбрана в качестве политической марионетки?

Этого я вслух не сказала.

– Расскажи лучше, как дела в университете?

– А что там может быть. Тоска. – Сильви вздохнула. – Учеба, учеба, учеба… зачеты. У тебя когда следующий, кстати?

– Послезавтра. Завтра еду на консультацию.

– А у меня через два дня. Политология. Ненавижу ее! Брр! – Сестра скривилась и сделала вид, что ее тошнит. – Еще этот мерзкий Гундар все время нудит: если вы не посещали все мои лекции, сдать вам будет сложнее. Посмотрю я, какая у него будет физиономия, когда отец займет пост, а Ландерстерг сделает тебе предложение!

Я чуть не поперхнулась воздухом.

– То, что он сделает, даже не сомневаюсь. Ты всегда умела произвести впечатление.

Да, Сильви, как и отца, ждет большое разочарование. Я только надеюсь, что мы с ним из-за этого не поссоримся, потому что временами отец перегибает, но он все-таки мой отец, и я очень его люблю. И он меня тоже.

– Слушай! Ты давно заходила в соцсеть? На меня пять тысяч подписались, когда про отца объявили.

Я закатила глаза.

– Лали! Представляешь, что будет, когда…

– Силь!

Повторно надуться сестра не успела, нас снова прервала Ингрид. То, что она не в духе, было понятно по едва уловимо сведенным бровям (сильнее они у нее не сходились, потому что мачеха регулярно делала инъекции молодости).

– Девочки, – сказала она, – я же просила не опаздывать к ужину.

– А мы и не опаздываем, – тут же нашлась Сильви. – Просто Лали долго спала…

Спасибо, сестра.

– Но я ее разбудила, и мы уже идем.

– Чудесно, – произнесла Ингрид ровно тем самым тоном, которым могла бы сказать «отвратительно». – В таком случае приводите себя в порядок и спускайтесь.

– Уф, – выдохнула Сильви, когда за ней закрылась дверь. – Достала со своими ужинами! Что не так, если я поем отдельно чуть раньше или чуть позже?

Вопрос был риторический. Ингрид нигде не работала и проводила дни в салонах красоты, после чего возвращалась домой и высматривала новомодные тенденции во всех сферах, до которых могла дотянуться. Недавно она где-то вычитала, что для сплочения семьи необходимо хотя бы совместное времяпрепровождение за ужином (а в идеале еще за завтраком и обедом). В итоге мы, находясь в «переходном периоде к совместному трехразовому питанию», собирались вечером за столом (особенно по этому поводу возмущался отец), а если не получалось, потому что у него была важная встреча, истерить начинала Ингрид. Учитывая, что, когда психовала Ингрид, после начинали психовать все (ее психоз, видимо, передавался воздушно-капельным путем), проще было действительно поужинать вместе.

Поэтому Сильви убежала переодеваться: девушка должна выглядеть элегантно даже у себя дома за ужином, а я уставилась в зеркало. Слегка растрепанные, но все еще льющиеся по плечам крупными волнами волосы расчесала, надела платье, в котором можно чувствовать себя комфортно, а не сидеть, как будто ты проглотила палку.

– Все будет хорошо, – пообещала себе.

Папа поймет.

Нет, правда, поймет. Тем более что с образом Ландерстерга как-то не вязался разговор в стиле: «Ваша дочь сказала, что вы насильно решили выдать ее замуж», – а просто отказ… Ну, к отказу надо быть готовым. Если честно, я испытывала ощущение легкости по поводу того, что все так быстро закончилось. Облегчение, никак не связанное с тем, что внутри что-то тоненько цапнуло при мысли о том, что мы больше не встретимся.

И с тем, что ладонь снова опалило пламенным льдом.

К счастью, эта страница моей жизни навсегда останется в прошлом, и завтра я снова стану просто студенткой, у которой на носу зачеты и защита диплома. И кастинг в «Эрвилль де Олис»!

С этой мыслью я выпорхнула из комнаты, чтобы услышать внизу голоса. Отца, Ингрид и… брата?! Даргел исключался из «общего» ужина по той причине, что уже давно жил отдельно, но сегодня, видимо, решил заглянуть в гости. Не заметила, как оказалась сначала на лестнице, а потом – уже с визгом – в его объятиях. Под неодобрительным взглядом Ингрид обхватила его руками и заглянула в глаза снизу вверх.

– Лали, – мягко произнес брат, целуя меня в макушку.

Имя Лали, кстати, придумал он. Точнее, он говорил, что я так себя называла, когда училась разговаривать, и с тех пор оно ко мне прилипло.

– У-у-у, какой ты стал большой, – насмешливо произнесла я.

В ответ брат легонько щелкнул меня по носу.

– Чем обязаны?

– У нас сегодня большой день, – вместо Даргела ответил отец, и я вопросительно посмотрела на него. Кажется, папа на меня совершенно точно не злился.

– Большой день? – Сильви присоединилась к нам.

– Да. – В голосе отца звучала гордость. – Сегодня Лаура стала невестой. Дочка, ты молодец. Поздравляю!

Все, что сегодня произошло, кажется мне бредом. Или сном. Поэтому я упускаю момент, когда можно было спросить: «Что?!» – выпучив глаза на манер придушенной рыбки, и все по очереди бросаются меня поздравлять. Сначала – Сильви, которая виснет на нас с Даргелом, как елочное украшение, и кричит мне в ухо: «Я знала, что моя сестра самая лучшая!»

Потом Ингрид, которая говорит в своей манере (очень сдержанно):

– Поздравляю, Лаура.

И даже брат, который всегда знал меня как облупленную, произносит это драконово:

– Поздравляю.

А я понимаю, что мне нечем дышать. Настолько нечем, что я выворачиваюсь из рук и со словами:

– Сейчас вернусь, – бросаюсь в сторону гостиной.

Там есть балкон: огромный, с панорамными окнами, и вид с него на заснеженный город просто потрясающий… был бы, если бы перед нашим домом не выросла еще одна высотка. Я стою, вцепившись в поручни, и пытаюсь осознать случившееся. А случилось именно то, что один дракон меня просто-напросто нагрел!

«Я вас услышал!» – говорили они. Они – в смысле его иртханейшество, Торнгер Ландерстерг Первый, единственный и неповторимый.

И ведь как говорил, ископаемое! Так, что я повелась и поверила. Ни на секунду не усомнилась в том, что для меня все закончилось благополучно.

Морозный воздух впивается мне в кожу, остужая желание прямо сейчас набрать номер Ландерстерга (еще бы он у меня был) и поинтересоваться, с какой радости меня осчастливили величайшей честью. Я уже почти готова это сделать, когда на балкон выходит Даргел.

– Лали? – Он набрасывает мне на плечи пиджак, на мгновение возвращая в приемную его иртханейшества, и у меня перед глазами мелькает лицо Ландерстерга. Резкая линия бровей, прямой взгляд в упор, холодный и жесткий. – Все в порядке?

Я поворачиваюсь к брату. Даргел у нас в семье единственный темноволосый, он пошел в маму. Из-за этого, когда мы появляемся где-то вместе (там, где нас не знают), отовсюду доносится: «Красивая пара». Мы с ним тихо хихикаем, но сейчас мне не до смеха. Я смотрю в его фиолетовые глаза и думаю о том, что могу вот прямо сейчас все ему рассказать. Признаться, что я не собираюсь замуж за Ландерстерга, что все это – грандиозная ошибка, потому что одного высокопоставленного дракона перемкнуло. И пусть у брата своя практика. У него только-только начинается карьера, но я точно знаю, что он однозначно примет мою сторону. А это значит – ссора с отцом, испорченный вечер и полная задница, выражаясь словами Рин. Рин, в отличие от меня, не стесняется в выражениях, и сейчас мне тоже не хочется стесняться. Все, что мне хочется, – это поговорить с Ландерстергом и сказать, что я о нем думаю.

О нем и о его «я вас услышал»!

– Да. Просто это было несколько неожиданно. – Приподнимаюсь на носочки и целую брата в щеку. По его глазам вижу, что он не готов закончить этот разговор, поэтому закрываю его сама. – Пойдем? А то у Ингрид случится дергоглазие, если мы опоздаем на ужин.

Дар смеется.

– Лали, ты неповторима. Нисколько не удивляюсь, что он тебя выбрал. – Брат закрывает дверцу балкона, и я возвращаю ему пиджак. – Ты уверена, что у вас все получится?

Дар не мог этого не спросить, но на сердце сразу становится тепло.

– Уверена, – говорю я.

– Тогда я спокоен.

В столовой, оформленной в белый цвет с золотом, уже все сидят на своих местах. Отец во главе стола, слева от него Ингрид с Сильви, мы с Даргелом садимся справа. Мебель Ингрид выбирала лично и настояла на том, чтобы она была деревянной. В нашем мире дерево – символ роскоши. Равно как и бумага, потому что естественного роста деревьев из-за драконов не наблюдается.

Когда-то люди вообще жили под землей (охотились на драконов, драконы охотились на них), а вышли, только когда пришли иртханы. Первые появились на другом континенте, произошли они от шаманов Пустынных земель, вливавших себе драконью кровь. У нас на Севере все было сложнее, потому что ледяное пламя гораздо страшнее огненного. Огонь можно погасить водой, ледяное будет гореть, пока не растает вложенная в него драконом сила, а ее у снежных зверей просто через край. Их кровь выжигала большинство первых смельчаков, которые решили повторить опыт перворожденных. Их дыхание – наши земли. Долгое время Север был заснеженной пустыней, пока не появились первые сильные иртханы.

Словом, деревья у нас высаживают исключительно в парках, а выращивают их в специальных оранжереях, но для Ингрид роскошь – неотъемлемая составляющая счастья. Она просто светится от восторга, когда видит зависть в глазах подруг. Здесь даже картины написаны на холстах, а не голографические. На них изображены легенды Ферверна, а тяжелые резные рамы напоминают о прошлых веках.

– Прежде чем мы начнем, – голос отца возвращает меня в реальность, – я бы хотел сказать, что у нас несколько меняются планы на праздничную ночь.

Праздничная ночь – время перехода из года в год, отмечается она с прошлого века по приказу правящего тогда Верховного, который очень любил увеселения. Как-то так получилось, что сам праздник (и подготовка к нему) понравился не только иртханам, но и людям, с тех пор он прижился и ежегодно справляется в каждой семье.

– Мы приглашены в загородную резиденцию Ландерстергов.

– О, – выдыхает Ингрид.

Глаза Сильви загораются таким восторгом, что мне кажется, сестра сейчас подпалит дорогущую, заказанную ее матерью из Фияна скатерть.

– Да, – продолжает отец, – и в эту же ночь состоится официальная помолвка.

Хорошо хоть, не свадьба, и на том спасибо.

– Лаура? – Он смотрит на меня.

– А?

– Что же ты молчишь?

Да так, боюсь ненароком назвать его иртханейшейство его наблейшеством[1 - Набл – падальщик, живет в пустошах. Производное от «набла» часто используется в качестве ругательства. – Здесь и далее примеч. авт.], а так все в порядке.

– Дар речи потеряла от счастья.

Отец хмурится, но тут в дело вступает Ингрид:

– Юргарн! У нас же нет платьев. У девочек нет платьев…

– Ингрид, у нас еще целый месяц до…

– Всего месяц! Ты представляешь, как сложно найти нормальное платье? Даже если его шить на заказ, мне надо пролистать сто пятьдесят страниц самых разных журналов, чтобы найти хоть что-то мало-мальски достойное!

– Ингрид, ты утрируешь ситуацию, – качает головой отец. – Тебе нужно всего лишь пригласить стилиста, и он подберет тебе сто пятьдесят вариантов, из которых ты обязательно что-то выберешь.

– Думаешь, это так легко?!

– Гм. Тост, – говорит Дар, поднимая бокал, в котором плещется веоланское. Пузырьки поднимаются на поверхность с легким шипением. – За Лали, благодаря которой мы сегодня все сидим за этим столом.

– За Лали! – хором отзываются все.

Ингрид выглядит недовольной: ужин она всегда считала целиком и полностью своей заслугой, но Дар своим тостом перекрыл все ее достижения на этом поприще. Чтобы сгладить неловкость, я пробую жаркое.

– Очень вкусно.

– Чудно, – отвечает мачеха кислым тоном.

– И к слову, Ландерстерг отказался беседовать с остальными претендентками, хотя ты, Лали, была третьей.

Я подавилась кусочком, который не успела прожевать. В итоге пару минут семья лицезрела красную меня, которую Дар тщетно хлопал по спине в попытках вернуть к нормальному дыханию.

– Все в порядке? – второй раз за вечер поинтересовался брат.

– Да. Очень дипломатично.

– Ты сейчас о чем? – Отец внимательно на меня смотрит.

– О том, что у него было еще семь прекрасных невест, которых он отказался смотреть.

Почему-то при мысли об этом мне хочется треснуть его иртханейшество ноутбуком. Никогда не замечала в себе такого, но его – хочется. Треснуть.

– Невесты и их семьи узнавали о собеседовании за сутки. Так что дипломатия тут ни при чем.

Ну да. Конечно!

Дипломатия наше все.

– И раз уж мы заговорили о дипломатии. О выборе Ландерстерг объявит через два дня, и тебе нужно будет присутствовать на встрече с журналистами.

Ингрид бледнеет.

– Юргарн! Два дня!

– Это просто заявление, а не официальная помолвка, – отмахивается отец.

Я слушаю их, и у меня волосы на голове шевелятся от количества приводящих меня в ужас слов. Заявление, журналисты, официальная помолвка, праздничная ночь в загородной резиденции Ландерстергов…

Я не хочу замуж!

Я хочу в шоу «Эрвилль де Олис». Но «Эрвилль де Олис» накроется драконьей задницей в тот самый момент, когда Ландерстерг сделает заявление. Первая ферна Ферверна – и гастроли в ледовом шоу?! Нет, жена Председателя Совета Аронгары, конечно, в свое время была певицей и даже выступала по всему миру, но…

Я не хочу замуж!

И если до высокопоставленного дракона это не дошло с первого раза, значит, дойдет со второго. Или я не Лаура Хэдфенгер!

Глава 4

На этот раз Айрлэнгер Харддарк встречает меня утренней свежестью. Точнее, утренней свежестью меня встречает Хайрмарг, пока я бегу от парковки до дверей, запахивая полы пальто. В прошлый раз я ничего этого не заметила, но сейчас я подмечаю буквально каждую деталь. И снежную звезду на темно-синем фоне – флаг Ферверна, и дракона, спаенного из стали, льда и снежного пламени над линией излома гор – это уже герб Ландерстергов, и четкую, размеренную динамику, которая здесь повсюду. Сотрудники Айрлэнгер Харддарка – и люди, и иртханы сейчас представляются мне винтиками огромного механизма, сплавленными лазером правительственной махины.

– К ферну Ландерстергу, – сдержанно говорю я, когда у секретаря от удивления расширяются глаза.

– Но вы не записаны…

– Уверена, он возражать не станет.

Секретарь теряет дар речи. На миг. Потому что уже в следующее мгновение она говорит:

– Позвольте ваше пальто, ферна Хэдфенгер.

– Не стоит беспокоиться, – поворачиваюсь к шкафу. – Я повешу сама.

Пока что в приемной никого больше нет: никого, кроме нас с ней. Еще бы, на часах нет и восьми, но я решила, что откладывать не стоит. Во-первых, я привыкла решать спорные вопросы сразу, а во-вторых, после обеда у меня консультация по зачету дисциплины «теория вероятностей». Этой теорией уже давно занимаются машины, но мы все равно ее проходим «чтобы было».

– Хотите кофе? – интересуется секретарь.

– Нет, благодарю, – отвечаю я. – Ферн Ландерстерг у себя?

– Нет. Его пока нет.

Власть опаздывает.

– В таком случае я подожду, – собираюсь уже устроиться на стуле, когда власть входит в приемную и застывает. Вернее, застываем мы оба: этот дракон с ароматом морозной свежести и я, потому что уже настроилась на «просто спокойно посидеть пять минут».

– Ферна Хэдфенгер, – говорит он, как будто сомневается в том, что у него не галлюцинация.

– Ферн Ландерстерг, – отвечаю я.

Секретарь смотрит на него. Потом на меня.

Первым, разумеется, в себя приходит дракон: широким шагом преодолевая жалкое для него расстояние до двери, распахивает ее и скрывается внутри. Дверь с мягким щелчком закрывается. Потом раскрывается, и меня награждают таким звериным взглядом, что по любой теории (включая теорию вероятностей) мне полагается осыпаться ледяной крошкой и в таком состоянии просочиться в дверь.

Вопреки этому в кабинет я прохожу довольно бодрой походкой, и каблучки полусапожек звонко стучат по полу. Правда, стоит мне оказаться в его кабинете, как вокруг ощутимо, градусов так на десять, холодает.

– Соизволите объяснить, что вы делаете здесь в такое время? – произносит он, возвышаясь надо мной и подавляя одним своим ростом.

Вот честно, это нечестно.

– У меня к вам очень важный деловой разговор.

– Важный? – зачем-то уточняет этот дракон.

Я киваю.

– Деловой?

– Деловой.

– В таком случае вы должны знать, что о важных деловых разговорах договариваются заранее.

– О том, чтобы объявить кого-то своей невестой, тоже заранее договариваются с невестой.

Взгляд Ландерстерга тяжелеет, падает на мои плечи. Каким образом меня еще не впечатало в пол, не представляю, но глаз не отвожу. За то время, что мы играем в гляделки, я успеваю несколько раз покрыться ледяной корочкой, парочку – воспламениться, вспотеть, замерзнуть и еще десять раз вспомнить маму дракона за то, что она его мама. Когда он наконец отворачивается и идет к столу, на ходу сбрасывая пальто, у меня получается выдохнуть. Надеюсь, не очень громко, и я тут же перекрываю свой вздох стуком каблуков.

– Мы с вами будем прекрасной парой, – говорит он, даже не глядя в мою сторону.

– Я так не думаю.

– Зря. Вы мне подходите, Лаура. Вы обладаете смелостью, чтобы войти в мой кабинет без стука, и достаточной рассудительностью, чтобы не противопоставлять себя тому, что не можете изменить. После того что я в вас увидел, у меня нет никаких сомнений, что из вас получится прекрасная супруга.

Я открываю рот. Потом закрываю. Если это был комплимент, то не подавился он, произнося его, исключительно чудом: суше этих слов только булка, хранящаяся в музее «Удивительные вещи» в центре Хайрмарга. Этой булке двести пятьдесят лет, она была законсервирована с помощью особого состава производителем (сейчас у его потомков крутая сеть пекарен) и передавалась из поколения в поколение, пока не попала в музей за большие деньги. Кстати, на тему этого до сих пор идут споры, правда этой булке двести пятьдесят лет или это пиар-ход сети пекарен «Ешь со вкусом».

– О чем задумались, Лаура?

– О булках, – говорю я. – И о маркетинге.

Кажется, это нарушает привычный ход мыслей Ландерстерга, потому что его рука замирает над кнопкой включения ноутбука.

– Крайне последовательно, – произносит он наконец.

– Вашей последовательности тоже можно только удивляться.

– Что именно показалось вам непоследовательным?

Да он издевается!

– Вчера я сказала о том, что не хочу за вас замуж.

– За меня?

– Вообще! Я вообще не хочу замуж, – говорю я. – У меня впереди целая жизнь, и я не хочу…

Меня перебивают раньше, чем я успеваю закончить:

– С тем, чего вы не хотите, мы разобрались.

– Видимо, не до конца. – От его близости по коже тянет холодом, а внутри жаром. Я прямо-таки чувствую, как превращаюсь в гигантское ходячее самопротиворечие, поэтому складываю руки на груди. – Откажитесь от меня, ферн Ландерстерг.

– Я не привык отказываться от выгодных сделок.

Что я там говорила про булку?

У него драконовластие головного мозга!

– Я вам не выгодная сделка, – говорю я. – Я – живой человек, и у меня есть свои чувства. Я уже сказала, что не собираюсь за вас замуж, и вам придется это принять!

В меня ударяет таким холодом, что я не покрываюсь наростами из сосулек только по какой-то счастливой случайности.

– Собираетесь вы за меня замуж, Лаура, или нет, – произносит он, глядя мне в глаза, так четко, что слова собираются крупными льдинками и с хрустом, как под его ботинками, рассыпаются на кристаллики, – мне все равно.

Сказано это с такой интонацией, что не остается ни малейшего сомнения: ему действительно все равно.

Ах, так?

– Собираетесь вы на мне жениться, ферн Ландерстерг, или нет, – говорю я, возвращая ему его взгляд, – мне все равно.

Разворачиваюсь, иду к двери, но раньше, чем успеваю сделать два шага, по двери и стенам проходит легкая рябь силового щита, запирающего кабинет. То, что мы заблокированы внутри, понимаю, лишь обернувшись к Ландерстергу: он касается панели управления, и она беззвучно втягивается в стол. Глаза дракона темно-синие, но из-за холодного света сверкают металлическим блеском. Совсем как поверхность его стола.

– Вы что сделали?!

– Закрыл дверь. – Ландерстерг опускается в кресло и пододвигает к себе ноутбук. – Есть такая методика переговоров. Когда партнер на эмоциях не готов идти на контакт, ему нужно провести какое-то время в тишине и покое.
В раздумьях.

– Вы не имеете права меня здесь удерживать!

– А я вас удерживаю?

Он поднимает голову, взгляд его по-прежнему человеческий, но по ощущениям, в кабинете похолодало еще сильнее. По крайней мере, сейчас я искренне жалею о том, что вообще сняла пальто.

– Вы закрыли дверь.

– Чтобы не позволить вам наделать глупостей.

– Глупостей?!

– Садитесь, Лаура. Нам предстоит долгий день.

Прежде чем я успеваю ответить, Ландерстерг касается коммуникатора:

– Одер, беспокоить только в форс-мажорных ситуациях. Во всех остальных случаях всю информацию переключай на Стенгерберга. Нет, кофе не нужен. Все.

Пока он отдает приказы, я стою с открытым ртом. Когда щелчок коммуникатора возвещает о том, что мы снова остались одни, обретаю дар речи:

– Выпустите меня!

– Только после того, как вас перестанут посещать мысли о том, чтобы расторгнуть наше соглашение.

– Я не заключала с вами никакого соглашения!

– Заключали, Лаура. – Взгляд его скользит по моим ногам, почему-то заставляя их становиться ватными. А еще вспоминать, как вчера платье поползло вверх, открывая край чулок, и потемневший драконий взгляд. Сейчас он примерно такой же, с той лишь разницей, что в морозное напряжение врывается обжигающий жар, от которого становится нечем дышать.

Хотите переговоров? Будут вам переговоры.

Я подхожу к диванчику, стоящему у стеллажей, демонстративно усаживаюсь на него и подтягиваю укороченную юбку-карандаш повыше. Разумеется, исключительно чтобы сесть. На самом деле край чулок теперь выглядывает гораздо более откровенно, чем вчера. Закидываю ногу на ногу и слышу грохот захлопнутого ящика стола. С таким треском, что я уже приблизительно представляю, как стол разваливается на части, а посреди обломков сидит правящий дракон. Картина настолько привлекательная, что уголки губ сами собой разъезжаются в стороны.

Я достаю телефон и делаю несколько снимков раньше, чем Ландерстерг успевает опомниться.

– Вы что творите?! – рычит он.

– Как – что? – поднимаю на него глаза. – Всего несколько кадров для живой ленты[2 - Живая лента – аналог сторис в Инстаграме.]. Вы же знаете, как в наше время ценится уникальный контент.

Прежде чем я успеваю открыть соцсеть, дракон оказывается рядом, а мой телефон – у него. Сам он опирается о спинку дивана, нависая надо мной. Металлический взгляд врезается в мой, проникая в меня так глубоко, что перехватывает дыхание.

– Находите это смешным? – жестко интересуется он.

Его руки слишком близко от моих плеч, а лицо – совершенно точно близко от моего. Хищное, такое же жесткое, как он сам. Одна его ладонь на подлокотнике, под ней – мой телефон, сейчас напоминающий доживающую последние минуты хрупкую пластинку. Вторая – на спинке дивана поверх моих волос. Я только сейчас это поняла, когда шевельнулась. Под расстегнутым пиджаком перекатываются литые мышцы, под этим взглядом хочется закрыться… или раскрыться на полную. Подчиняясь этой звериной власти, яростной и стремительной, позволить ему бесстыдно стекать по плечам в вырез блузки.

Пламя иртханов очень притягательно для людей, и на него можно подсесть, притом подсесть основательно. Я всей кожей ощутила, как волоски встали дыбом, а губы вспыхнули, словно в них уже впивались его, оставляя клеймо-ожог.

– Ни разу. Отдайте мой телефон.

– Когда соберетесь домой, Лаура, – произносит он, оттолкнувшись от дивана и выпрямившись, – получите свой телефон обратно. А пока наслаждайтесь.

Внутри меня все еще потряхивает, а усилившееся желание треснуть этого самца дракона планшетом становится совершенно невыносимым.

– А если я захочу в туалет?

– Значит, решение вам придется принимать экстренно, под давлением внешних обстоятельств.

Он возвращается за стол, сомкнувшаяся пасть ящика стола сжирает мой телефон, после чего Ландерстерг погружается в работу. Мне остается только за ним наблюдать: выражение его лица вообще не меняется, эта жесткая маска настолько срослась с хищными чертами, что я даже не представляю, бывает ли он когда-то другим. Например, во время оргазма…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Набл – падальщик, живет в пустошах. Производное от «набла» часто используется в качестве ругательства. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Живая лента – аналог сторис в Инстаграме.

Купить: https://tellnovel.com/marina-eldenbert/paryaschaya-dlya-drakona

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити